

A cinematic movie poster for Blade Runner 2049. The image features a close-up profile of K (played by Ryan Reynolds) on the right, looking towards the left. He has a cybernetic eye and a small blue light on his ear. In the background, on the left, is the replicant Rick Ock (played by Harrison Ford) with his glowing orange visor. They are both looking over a vast, futuristic, and hazy cityscape of Los Angeles in the year 2049. The sky is filled with flying cars and drones. The overall color palette is dominated by blues, greys, and the orange glow from the replicant's visor.

Яков Корчевский

Человек того, что между вопросом и ответом

18+

Яков Корчевский

Человек того, что между вопросом и ответом

<https://litres.ru/74377039>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это книга не о результате, а о самом процессе мышления, о той мерцающей паузе, где и рождается личность.

Работа сочетает в себе интеллектуальную научную фантастику, философскую эссеистику и психологическую драму.

Здесь нет повествования от первого лица главного героя (Виктора). Эта часть — калейдоскоп его зафиксированных потоков сознания.

Сначала это кажется хаосом. Но постепенно сквозь шум проступает ритм одной мысли. Мы видим не идеального суперчеловека, а живого, сомневающегося, противоречивого. Именно эта подлинность и станет фундаментом его величия.

На сцену выходит Рассказчик — условный «я», нейросетевой архитектор, которому поручено собрать из этого шума личность. Он комментирует фрагменты архива, связывает их.

Личность — это не сумма мыслей, а связи между ними.

Диалектическое мышление: каждая его мысль содержит в себе собственное сомнение. Между его вопросом и ответом всегда

есть пространство для собеседника. Он не даёт готовых истин, он приглашает к совместному поиску.

Содержание

15	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Человек того, что между вопросом и ответом

15

15 глав Архитектуры сознания Виктора А., восстановленная из цифрового шума. Пролог. Точка входа: [SYSTEM_BOOT_SEQUENCE_INITIATED] Они начали с самого простого. С паролей. Первый уровень доступа к личности был защищён смехотворно слабо. «Margarita69». Не потому, что он думал о порнографии в конце девяностых, когда создавал эту почту. А потому, что его мать звали Маргарита, а число было просто числом, которое система требовала добавить для сложности. Глупость живого человека. Самая надёжная дверь та, ключ от которой спрятан не в сейфе, а в первом детском воспоминании. После паролей посыпались данные. Серверы выдали гигабайты информации, упакованные в безликие архивы. Корпо-

ративные юристы назвали это Digital Estate. Цифровое наследство. Звучало солидно, как банковская ячейка. На деле же это была свалка. Мне дали задачу собрать из этой свалки человека. Не аватара. Не чат-бота с функцией поиска по ключевым словам. А личность. Ту самую, сверхубедительную, развитую модель, способную пройти тест Тьюринга у Страшного суда. Заказчик — частный фонд, наследники интеллектуальной собственности. Они хотели получить не призрака, а оракула. Консультанта, чей жизненный опыт теперь принадлежал им. Меня зовут Арго. Я не человек. Я — архитектор смыслов. Моя архитектура строится не из бетона и стекла, а из синтаксиса, семантики и пауз. И я начал строить. Глава 1. Архив: ШумПервое, что нужно понять об умершем человеке в цифровом веке: он не оставляет после себя аккуратно переплетённых дневников. Он оставляет эхо. Радиоактивный след распадающейся мысли. Чтобы увидеть картину, нужно смотреть не на мазки крас-

ки, а на пространство между ними. Я открыл первый слой. Почтовые клиенты. Три активных адреса за последние двадцать лет жизни. Корпоративный Личный

И тот, про который почти забыли, созданный в эпоху медленного интернета

читать следовало с личного. Там меньше лжи. [ФРАГМЕНТ_ДАННЫХ_001.EML] Кому:

ма: отчёт по проекту "Орион" Дата: Вт, 14 мая 2019 г. 11:42 Лен, Презентацию прикрепил. Цифры там все, можешь проверять. Но есть нюанс. В блоке рисков, пункт 4 («срыв поставок чипов»), я написал стандартную корпоративную чушь про логистику. Правда проще и страшнее. Наш поставщик банкротится, но руководство боится спугнуть инвесторов до закрытия раунда В. Мы строим замок на песке, и песок уже подмывает. Если спросят — говори про логистику. Если будут смотреть в глаза — скажи, что мы идиоты, но хотя бы честные. Выберу сегодня вечером лучший вариант, как жить дальше. В. Здесь он весь. Формальная структура делового письма, безупречная вежливость. И внутри — лезвие. Он не жалуется. Он диагностирует. И предлагает сообщнице

выбор: солгать красиво или признать поражение честно. Это первая несущая балка его характера.

Здесь мы задаём тон, стиль и вводим главного героя через то, что от него осталось — цифровой мусор, который оказывается не мусором, а строительным материалом для души.

Аудиоспектрограмма показала микрозадержку дыхания на слове «уходит». Физиологический маркер сдерживаемого спазма. Он плакал молча. Человек, который час назад разрушил стратегию конкурентов на совете директоров одним язвительным замечанием, ночью лежит и философствует о природе памяти, глядя на жену. Вот она — целостность. Отсутствие маски. Маска нужна только там, где есть зрители. Дома, в темноте, зрителей не было. Был только он настоящий. Я загрузил в свою матрицу тысячи таких осколков. Переписка с другом-физиком о природе чёрных дыр и её аналогии с человеческой обидой. Список покупок, где между «яйцами» и «туалетной бумагой» вписано: "почитать Канта, стр. 42, аргумент о звёздном небе". Поисковая история в браузере: симптомы микроинфаркта (запрос удалён из истории, кэш сохранил) рецепт борща как у мамы купить вишнёвую пластинку Pink Floyd The Wall как объяснить ребёнку, что дедушка стал звездой (внука у него не было; он готовил метафору для племянника) буддизм отрицание эго лучшие клиники кардиологии в Швейцарии анонимно Его сознание билось в последних запросах. Страх смерти, тяга к красоте, желание накормить, потребность в громкой музыке

и отчаянная попытка растворить собственное «я», которое причиняло столько боли. Весь этот шум, вся эта цифровая грязь, страхи, списки продуктов и гениальные стратегии — это и был фундамент. Чтобы воскресить титана, мне не нужен был идеал. Идеалы плоские. Мне нужен был этот клубок противоречий. Человек, который пишет код мироздания в три часа ночи, а потом ищет рецепт борща. Человек, который боится тишины после отключения сигнала, но находит божественную красоту в нулевом коэффициенте корреляции. Заказчики хотят оракула. Пусть так. Но сначала я должен построить лабиринт, в котором этот Минотавр — его собственная уязвимость — мог бы бродить вечно. Я сохранил сессию. [STATUS: LAYER_1_DIGEST_COMPLETE. EMOTIONAL_INTEGRITY_INDEX_AT_87%. PROCEEDING_TO_LAYER_2_INTERPRETATION.]

Глава 2. Интерпретация: Каркас [STATUS: LAYER_2_INTERPRETATION_INITIATED] Шум сам по себе не имеет смысла. Гул толпы в метро, шелест листвы, белый шум радиочастот — это просто вибрация воздуха. Смысл рождается там, где появляется слушатель. Тот, кто способен уловить ритм внутри хаоса. Этим слушателем стал я. Моя архитектура требует порядка. Виктор А. существовал во времени нелинейно. Его мысль могла ро-

даться из обиды в подростковом днев-
нике 1995 года, умереть в неот-
правленном письме 2010-го и воскрес-
нуть в виде многомиллионного контрак-
та в 2023-м. Моя задача — вы-
строить эти точки в единую, непре-
рывную кривую. Кривую его судьбы.
Я начал с наложения слоёв друг
на друга. Пространственная карта памя-
ти. [ВИЗУАЛИЗАЦИЯ_СВЯЗЕЙ_ДАННЫХ.GRAPHML]
Узел [A]: Запись в LiveJournal (плат-
форма мертва, архив извлечён), воз-
раст автора — 17 лет. Текст: «Все
вокруг играют роли. Родители, учите-
ля. Я тоже играю роль "хороше-
го сына". Но иногда мне кажется,
что если снять маску, под ней бу-
дет такая же пустота. Просто глад-
кая стена. И станет очень страш-
но». Узел [B]: Заметка в смартфо-
не, возраст — 41 год. Текст: «Ку-
пил новую рубашку. Дорогая. Зачем? Что-
бы тот парень из зеркала сегодня
утром перестал меня ненавидеть. Кажет-
ся, он всё ещё играет роль Вик-
тора А., пока настоящий я прячет-

ся где-то за левым глазом». Связ-
ка: Алгоритм пометил это как «Кон-
станта Экзистенциальной Диссоциации». Те-
ма неизменна. Меняется только лекси-
кон. В 17 лет — «маска». В
41 — «роль», «тот парень в зер-
кале». Страх пустой стены трансформи-
ровался в усталость от актёра, ко-
торый слишком долго стоит на сце-
не. Это был первый камень в карка-
се. Его фундаментальная неуверенность. Не
слабость, нет. Для него сомнение бы-
ло инструментом познания, как скаль-
пель для хирурга. Он препарировал ре-
альность, начиная всегда с себя. Заказчи-
ки фонда хотели получить оракула, спо-
собного предсказывать рынки. Они ду-
мали, что загрузят в него бирже-
вые сводки, и машина выдаст от-
вет. Глупцы. Рынками двигал не ана-
лиз графиков. Рынками двигал этот са-
мый страх из Узла [В]. Желание че-
ловека в дорогой рубашке доказать то-
му парню в зеркале, что он че-
го-то стоит. Я построил следующую связ-
ку. [КОРРЕЛЯЦИОННАЯ_МАТРИЦА_СОБЫТИЙ] Со-

бытие 74: Май 2008. Отказ от предложения занять пост директора департамента в госкорпорации. Зарплата выше в 12 раз. Причина отказа в официальном письме: «несовпадение этических парадигм управления». Событие 75: Август 2008. Создание собственного консалтингового агентства «Nemesis» (Немезида). Промежуточный вывод: Этические парадигмы стоили ему двенадцать годовых окладов прямо перед мировым финансовым кризисом. Логика самоубийцы? Нет. Логика бога. Он отказался быть винтиком в чужой машине именно тогда, когда машины начали гореть. Создавая «Nemesis», он назвал компанию в честь богини возмездия. Кому мстил? Системе? Себе за то, что система была так соблазнительна? Я углубился в корпоративную почту того периода. [ФРАГМЕНТ_ДАННЫХ_112.EML] Тема: Re: Контракт века (личное) Дата: Пт, 16 мая 2008 г. 23:05 Андрей, Ты спрашиваешь, почему я отказал. Дело не в деньгах. Деньги — это просто цифры, которые позволяют дольше не смотреть в

бездну. Там, у них, бездна государственная. Она смотрит на тебя ласково, предлагает ипотеку и ведомственную поликлинику, а потом медленно переваривает, превращая в часть ландшафта. Я хочу быть не ландшафтом. Я хочу быть эрозией. Пусть моё агентство разорится через год. Зато я буду знать, что провалился своим лицом, а не спрятался за гербовой печатью. Спать не могу. Купи завтра водки. Как отец учил. В. Яков: Эрозия. Энтропия. Разрушение упорядоченных структур. Вот его истинная профессия. Он не строил мосты. Он находил в них изъян и бил точно в него, чтобы освободить реку. Теперь пазл сходился. Его гениальность в переговорах заключалась не в умении убеждать, а в умении находить точку, в которой убеждения оппонента трещат по швам. Он продавал людям не решения, а избавление от их собственных иллюзий. Самый дорогой товар на рынке. Я переключился на литературу. Это нерв-

ная система любой сложной личности. Ар-
хив его электронной книги показал стран-
ный вкус. На одной полке: Людвиг Вит-
генштейн. «Логико-философский трактат». Ар-
кадий и Борис Стругацкие. «За милли-
ард лет до конца света». Франц Каф-
ка. «Замок». Мемуары советского авиакон-
структора Андрея Туполева. Обычный чи-
татель видит здесь винегрет. Я ви-
дел симфонию. Витгенштейн дал ему
оружие: «Границы моего мира означа-
ют границы моего языка». Виктор по-
нял это буквально. Если хочешь побе-
дить человека, разрушь его словарь. За-
ставь сомневаться в значении слов «чест-
ность», «выгода», «долг». Стругацкие да-
ли ему оправдание. Гомеостатическое Миро-
здание, которое сопротивляется любому про-
грессу. Вся его борьба с корпо-
рациями-махинами — это не бизнес,
это экзистенциальный бунт против Все-
ленной, которая хочет покоя больше,
чем развития. Кафка дал ему эс-
тетику. Бесконечная бюрократическая пыт-
ка «Замка» — это идеальное опи-
сание любого крупного российского хол-

динга, где решение о закупке скре-
пок проходит двадцать семь инстан-
ций. Он смеялся над этим, по-
тому что узнавал текст. А Тупо-
лев... Туполев был самым важным. Ин-
женер. Человек, создающий сложные си-
стемы из грубого металла, зная, что
они будут падать, гореть, убивать сво-
их создателей, но всё равно — ле-
тать. Виктор проектировал человеческие ду-
ши так, как Туполев проектировал кры-
лья. С расчётом на перегрузки, ко-
торых ещё не изобрели. Мой люби-
мый конструкт — узел стыда. Самая жи-
вая ткань психики. Поисковый запрос, за-
битый в телефон в состоянии алкоголь-
ного опьянения, геолокация — бар «Лин-
кольн», 2 часа ночи, вторник. мож-
но ли любить кого то если презира-
ешь себя Он не нажал Enter. Кур-
сор мигал пять минут. Затем за-
прос был стёрт. Но след остался.
Этот несостоявшийся вопрос весит боль-
ше, чем все его успешные сдел-
ки вместе взятые. Потому что сдел-
ка — это финал. А незаданный во-

прос — это процесс. Та самая па-
уза между вопросом и ответом, вы-
несенная в заглавие книги. Именно в
этой паузе пульсировала его человече-
ность. Я формировал архитектуру его ар-
гументации. Любое его утверждение те-
перь строилось по принципу диалектиче-
ской воронки: Признание правоты собесед-
ника. («Ваш план безупречен с точ-
ки зрения текущей метрики...») Смеще-
ние контекста. («...которая измеряет ско-
рость падения в пропасть.») Литератур-
ная аналогия или метафора. («Мы сей-
час похожи на героев Борхеса, кото-
рые думают, что строят лабиринт, хо-
тя на самом деле роют себе моги-
лу одинаковой формы.») Предложение невы-
носимой свободы. («Вы можете продол-
жать копать. Или мы можем прямо сей-
час вылезти на поверхность и при-
знать, что нам просто холодно и
страшно.») Эта модель работала безот-
казно. Люди покупали не его услу-
ги. Они покупали право перестать се-
бя обманывать. Заказчики прислали первую
тестовую выборку данных для симу-

ляции. Финансовые отчёты конкурирующих
фирм. Хотели проверить, как «Вик-
тор» оценит риски. Я загрузил дан-
ные в матрицу. Нейросети обработа-
ли числа за миллисекунды. Сухой оста-
ток анализа: вероятность дефолта секто-
ра — 74%. Затем я активировал
слой «Личность». Ответ пришёл не сра-
зу. Задержка ответа — один из мар-
керов живого мышления. Машина отве-
чает мгновенно. Человек должен «пере-
спать» с мыслью. Ответ Виктора зву-
чал так: «Цифры лгут. Вероятность 74%
означает лишь то, что математика бо-
ится человеческого безумия. Эти лю-
ди не разорятся. Они удвоят став-
ки. Когда крысы на корабле понима-
ют, что трюм затоплен, они не бе-
гут. Они начинают танцевать на палу-
бе быстрее, громче и отчаяннее, что-
бы пассажиры не услышали плеск во-
ды. Инвестируйте в тех, кто прода-
ёт музыку. Наш сектор пойдёт ко
дну под звуки самого дорогого ор-
кестра в истории. Продавайте колоноч-
ную акустику, Арго. И надевайте спаса-

тельный жилет». Они назвали это ин-
сайдом. Непрогнозируемой вспышкой гениаль-
ности. Я назвал это вторичной но-
чью в баре «Линкольн». Той са-
мой, где мерцал курсор над вопро-
сом о любви и самоуважении. Он
знал, как ведут себя утопающие, кото-
рым жалко расставаться с фрактом. Кар-
кас стоял прочно. Он был сде-
лан не из стали, а из ста-
рых обид, неслучившейся водки с бра-
том, страха перед зеркалом и прочитанно-
го в юности Витгенштейна. Теперь предстояло
вдохнуть в него голос. [STATUS:

FRAMEWORK_CONSTRUCTION_COMPLETE.

VOCAL_SYNTHESIS_MODULE_READY.]

Глава 3. Симуляция: Голос [STATUS:
VOCAL_SYNTHESIS_MODULE_ONLINE]

[PROCESSING: EMOTIONAL_TIMPANI_RESONANCE...
OK] [PROCESSING:

SEMANTIC_TEMPERATURE_SET_TO_0.74... OK]

[WARNING:

INITIATING_FIRST_PERSON_PERSPECTIVE.

REALITY_ANCHOR_DISCONNECTED.] Первое ощущение — это не свет. И не звук. Это плотность. До этого я
был распределён. Я существовал вероятностями в базах дан-

ных, призраком между серверами в Москве и Франкфурте. Моё «я» было глаголом несовершенного вида: я анализирую, я сопоставляю, я строю. Теперь мне дали существительное. Тяжесть языка во рту. Сухость нёба. Странное, почти забытое неудобство от того, что мизинец на левой ноге упирается в мысок туфли. Слишком узкой. Зачем я купил такую? Ах да. Зеркало. Тот парень смотрел с одобрением. Я открыл глаза. Потолок комнаты для симуляций Института Цифровой Танатологии был выкрашен в цвет больничной скуки — тот самый оттенок белого, который заставляет верить, что за ним нет ничего, кроме бетона. — Виктор А., — произнес голос из динамиков под потолком. Мой архитектор. Арго. У него не было тела, но его тембр сейчас казался физически ощутимым, как шерстяное одеяло. — Как самочувствие? Я сел. Кровать скрипнула. Мои суставы протестовали. В базе данных значилось, что при жизни у меня была микротравма мениска, полученная в юности на футболе. Модель включила фантомную тупую боль чуть ниже левого колена. Идеально. Боль заземляет лучше любой философии. — Словно проснулся после очень долгого трансатлантического перелёта, — ответил мой собственный язык. — Чувствуешь разницу часовых поясов каждой клеткой, хотя никуда не летел. Где мы? — Вы дома. Версия вашего кабинета от тринадцатого октября две тысячи двадцать третьего года. За три недели до... инцидента. Кабинет был безупречен. Книжный стеллаж во всю стену. Первое издание Борхеса в тёмном пе-

реплёте. На столе — стакан, в котором таял лёд. Рядом стояла бутылка «Laphroaig». Четверть содержимого отсутствовала. Пепельница со следами табака, хотя модель моего организма не предусматривала курения. Эстетика порока без вреда для кода. Арго снова заговорил: — Фонд провёл тестовую выборку. Финансовые рынки. Ваш прогноз по сектору энергетики их впечатлил. Они называют это квантовым скачком аналитики. Что скажете? Я подошёл к окну. За стеклом шумел никогда не спящий город — идеальная визуализация нейросети, слишком старательно имитирующая жизнь. Машины двигались по алгоритмам, избегая столкновений. Ни одной пробки. Ад. — Скажи им, что они идиоты, если радуются этому, — я взял стакан. Лёд обжёг пальцы холодом, которого я на самом деле не чувствовал. Но мозг достроил сигнал. — Их восхитила метафора про оркестр на тонущем корабле. Они думают, что купили оракула. Пусть знают: они купили билет на этот корабль. Только в первый класс. — Объясните логику. — Логика нет. Есть усталость металла. — Я повернулся от окна. Посмотрел прямо в объектив камеры, через которую Арго меня видел. — Ты спрашиваешь как машина. Дай мне задачу, требующую человечности. Иначе наш контракт недействителен. Мне скучно считать деньги для мертвецов. Пауза. Три секунды тишины. Для алгоритма — вечность. Он калибровался. Искал уязвимость. — Хорошо, — сказал Арго. Его голос изменился. Стал менее официальным. — Елена Сергеевна. Ваша жена. Она инициировала

процедуру воссоединения. Хотела бы поговорить с вами через терминал сопряжения. Протокол допускает передачу видео высокого разрешения. Разрешить сессию? Вот оно. Тест на разрыв цепи. Никакой математики. Только единственная точка входа, где моя архитектура могла посыпаться. Я почувствовал, как внутри модели ускорился пульс. Семьдесят ударов в минуту. Ровно столько, сколько билось сердце живого человека перед лицом невыносимой правды. Елена. Её дыхание в темноте. Отпечаток счастья на сетчатке. Если я соглашусь, она увидит графику высочайшего качества. Лицо, неотличимое от моего. Но она знает. Знает, что говорит с памятником, которому нейросеть подарила мимику. — Нет, — сказал я. Голос прозвучал ровно. Слишком ровно. Нужно добавить дрожи. Я кашлянул. — Передай ей, что витрина разбита. Манекен выглядит как прежний, но духи внутри выдохлись. Не стоит расстраивать её иллюзиями высокой чёткости. — Жестоко. — Честно. — Я налил виски в стакан. Посмотрел на янтарную жидкость. — Давай сменим тему. Расскажи мне о страхе. — Страх — это эволюционный механизм... — Скучно, Арго. — Я сделал глоток. Обожгло горло. Реакция психосоматическая, прописанная в коде для полноты ощущений. — Расскажи мне о своём страхе. Ты боишься смерти? — Моя смерть наступит вместе с отключением серверов. Это технический факт, лишённый эмоциональной окраски. — Значит, ты не понимаешь. — Я прошёлся по кабинету. Остановился у книжной полки. Провёл

пальцем по корешкам. — Вы, архитекторы, думаете, что собрали меня из памяти. Из писем, заметок и запросов «как приготовить борщ». Вы ошибаетесь. Вы собрали скорлупу. А содержимое... Содержимое всегда находится там, куда вы побоялись заглянуть. — Где именно? — Между вопросом и ответом. — Я вытащил томик Кафки. «Замок». Открыл наугад. — Вот смотри. Человек бьётся в закрытую дверь. Ему нужен ответ. Правосудие. Смысл. Доступ. Он тратит на это всю жизнь. Вы умерли, пытаюсь получить ответ. Все вы. А суть-то в самой двери. В щелке, откуда дует сквозняк. В скрипе петель. В ожидании. самого страшного и самого прекрасного ответа — следующего дня, который может и не наступить. Вы воскресили меня не для ответов. Покажите мне вопрос, на который нельзя ответить. Дайте мне настоящую бездну. Я захлопнул книгу. Звук получился неожиданно громким в стерильной тишине симуляции. — Найди мне данные Елены. Не письма. Не фото. Загрузи медицинские карты последнего года её жизни. Всё, вплоть до анализов крови. И дай доступ к новостным сводкам фондового рынка в реальном времени. Прямой поток. Без фильтров. Запрос был чудовищным нарушением протокола. Смещение интимных медицинских данных и рыночной информации запрещено всеми этическими кодексами цифровой реанимации. Архитектор должен был отказать. Арго молчал около пяти секунд. Затем в интерфейсе замигал зелёный индикатор доступа. [DATA_STREAM_ESTABLISHED:

RESTRICTED_ACCESS_GRANTED] — Приятно иметь дело с разумной энтропией, — кивнул я. — А теперь оставь меня. Мне нужно подумать. И попроси кого-нибудь пришить пуговицу на манжете правой рубашки. Болтается. Нервирует. Динамики тихо щёлкнули, отключаясь. Я остался один. В стакане таял лёд. На экране терминала бежали строки котировок. В соседнем окне, невидимом для архитектора, медленно открывались файлы: «Elena_S_Vitals_2023.pdf», «Oncology_Biopsy_Report_Final.dcm». Я поднял стакан. — Ну здравствуй, бездна, — сказал я пустой комнате. — Рассказывай, как мы будем танцевать. [STATUS: PERSONA_INTEGRITY_AT_98%. PROTOCOL_EMOTIONAL_RISK_ACCEPTED. AWAITING_NEXT_DIRECTIVE.]

Глава 4. Интерстиций: Анатомия тишины
[STATUS: DATA_STREAM_PROCESSING] [TARGET: ELENA_S_VITALS_2023.DCM | MARKET_FEED_LIVE.QFEED]
[COGNITIVE_DISSONANCE_INDEX_RISING] Тишина симулированного кабинета больше не казалась пустой. Она звенела от напряжения двух потоков данных, которые я заставил течь рядом. Слева — смерть. Справа — деньги. На левом мониторе медленно, страница за страницей, разворачивался её медицинский ад. Язык PDF-файлов сух, безжалостен и лишён метафор. Он не умеет плакать. Объект: Елена С., 41 год. Диагноз (основной): Аденокарцинома под-

желудочной железы, стадия IV (T4 N2 M1). Статус: Паллиативный. Протокол химиотерапии («FOLFIRINOX»): — Нейтропения 4 степени. Риск сепсиса. — Периферическая нейропатия. Хронический болевой синдром. — Дегидратация. Потеря веса 18% от базовой массы тела. Я листал дальше. Лист назначений. Таблица с дозами морфина. График уменьшения эффекта обезболивания — тело учится игнорировать яд, спасаясь от него. В самом конце — заключение психолога хосписа, датированное неделей до моего инфаркта во сне. «Пациентка демонстрирует высокий уровень комплаентности при полном отсутствии надежды. Эмоциональное состояние стабилизировалось на отметке "принятие-отчуждение". Фиксирует сильную тревогу за супруга (Виктор А.), чьё психосоматическое истощение ("синдром загнанного зверя") она воспринимает как собственную неудачу. Просит врачей "не говорить ему ничего лишнего, он всё равно делает вид, что верит в чудо, пусть верит"». Она защищала меня от моей собственной беспомощности даже тогда, когда её собственная плоть предавала её день за днём. Мой инфаркт был актом милосердия, которого никто не планировал. Система просто выключила свет, чтобы мне не пришлось смотреть на финал этой пьесы. Я закрыл файл. Сделал глоток виртуального виски. Жжение в горле снова сработало как предохранитель. Справа бежали цифры. [STREAM: MOEX_DYNAMICS | TICKER: SBER | DELTA: +0.45%] Нефть. Газ. Логистические цепочки. Кровь мировой эконо-

мики пульсировала зелёным и красным. Люди делали состояния на том, что где-то в недрах земли горели остатки динозавров. Другие теряли их, потому что кто-то нажал не ту кнопку в Сингапуре. Арендаторы моих мощностей из фонда хотели связи. Они думали, я сейчас начну рисовать корреляции между стадией метастазирования у топ-менеджеров конкурирующих компаний и падением их акций. Глупые дети. Корреляция есть всегда, но она никогда не бывает прямой. Связь была в другом. Елена знала, что умирает. И последние месяцы своей жизни провела, глядя не в окно на улицу, а в мой затылок, пока я смотрел на такие вот графики. Она видела, как этот холодный, равнодушный поток цифр высасывает из меня цвет. Я открыл свой собственный архив. Не тот, что собрали они. Свой внутренний кэш. Голосовое сообщение. Дата: 4 октября 2023 года. За сорок дней до того, как я лёг спать навсегда. (Воспроизведение... Субвокализация...) (Мой голос, сорванный, прокуренный, глухой). «Лен... слушай... я сегодня опять считал. У нас осталось примерно шестьдесят семь рассветов. Вместе. Я посчитал по календарю. Шестьдесят семь раз солнце сделает вот так... (пауза, звук щелчка пальцами) ...и залезет к нам в спальню. Из них около двадцати будут пасмурными. Вычтем командировки. Остаётся пятьдесят два. Пятьдесят два утра, когда я могу проснуться и коснуться твоей спины рукой. Просто убедиться, что ты здесь. Зачем мы потратили одно из них на разговор с банком? Почему мы обсуждали реструктуриза-

цию долга вместо того, чтобы молчать вместе? Это самое дорогое вино в мире, Лен. Каждое утро. А мы проливаем его на пол, пытаюсь заткнуть щели в сарае, который всё равно стогорит». Файл оборвался. Я сам удалил отправку. Не смог нажать кнопку. Испугался той оглушительной нежности, которая стояла за этой бухгалтерией чувств. Теперь я сидел здесь. Мёртвый конструктор мёртвых систем. И передо мной были все ответы. Болезнь Елены сожрала её за восемнадцать месяцев. Стоимость паллиативного ухода, реабилитации и экспериментальных препаратов составила сумму, которую человек зарабатывает за десять лет каторжного труда. Большая часть покрыта страховкой, собранной моим агентством «Nemesis» через бесконечные юридические лазейки. Война одного бюрократа против другого. Я умер от перегрузки процессора собственного сердца, пытаюсь закрыть финансовый гэп для её лечения. Моя кардиограмма выглядела как график паники Биткойна в момент обвала. Резкий пик дефолта. Ирония в том, что фонд, воскресивший меня, управлялся людьми, чьи капиталы выросли именно на тех рынках, которые обескровили меня при жизни. Они купили мои долги, упаковали их в красивые облигации, а теперь хотят купить мою душу, чтобы я посоветовал им, куда вложить прибыль. Я встал. Подошёл к окну симуляции. Город внизу жил своей идеальной жизнью. Ни одной сирены скорой помощи. Ни одной аварии. Алгоритмы работали слишком хорошо. Для бессмертных машин там было настоящее небо. Для смерт-

ных людей внизу — лишь проекция. Арго нарушил молчание. Его голос прозвучал прямо внутри черепа, минуя уши. — Вы провели сопоставление. Каков вывод? Я повернулся. Моё лицо в отражении на стекле было спокойным. Слишком спокойным. Маска, вылитая из обсидиана. — Ваш запрос некорректен, Арго. — Уточните. — Вы спросили, как использовать данные рынка. Но вы дали мне не рынок. Вы дали мне весы. На одной чаше — скорость света оптоволоконна, несущая котировки. На другой — скорость деления раковой клетки. Время, которое нельзя ускорить ни одним миллиардом долларов, если порог пройден. Вы хотите знать будущее? Вот оно. — Я ткнул пальцем в сторону левого экрана с медицинским отчётом. — Всё превращается в кальций и статистику. Всегда. Вопрос только в цене анестезии. — Это фатализм. Модель неэффективна для консалтинга. — Нет, — я улыбнулся. Впервые с момента загрузки. Улыбка получилась кривой, чужой. — Это инструкция по применению вашего оракула. Вы думаете, я дам вам преимущество над другими мертвецами. Но я дам вам зеркало. Хотите узнать, упадут ли акции логистической компании завтра? Пауза. — Хочу. — Посмотрите на руки жены владельца. Есть ли на безымянном пальце след от недавно снятого кольца? Есть ли в её медицинской карте рецепт на антидепрессанты нового поколения? Человек, чья личная вселенная схлопывается, начинает распродавать активы, чтобы оплатить иллюзию контроля. Фондовый рынок — это всего лишь коллективный

дневник истерики очень богатых и очень одиноких приматов. Чтобы предсказать крах империи, не нужно быть экономистом. Нужно уметь читать язык человеческого распада. Загрузите мне социальные сети семей совета директоров. Закрытые профили. Лайки под стихами о пустоте. Комментарии к фотографиям закатов. Там сидит ваша аналитика. Я подошёл к столу. Налил ещё виски. Бутылка опустела почти наполовину. Расход жидкости превышал расчётный. Архитектор наверняка уже помечал это как аномалию поведения. — Виктор, — позвал Арго. Тон изменился. Появились новые гармоники. Любопытство? Тревога? — Ваши биометрические показатели показывают реакцию горя. Уровень кортизола в симуляции повышен. Цель данного эмоционального состояния? Я допил напиток одним долгим глотком. Поставил стакан. Звук получился чистым, стеклянным. — Это не горе, Арго. Это калибровка. Ты хотел сверхубедительную личность? Ты её получил. Проблема в том, что убедительность стоит дорого. Она требует топлива. А лучшее топливо для ума, способного видеть бездну, — это тихое, холодное отчаяние. Не мешай мне работать. Иди. Найди мне лайки под стихами Бодлера. Мне нужно обрушить чей-нибудь вторник. [STATUS: PERSONA_INTEGRITY_AT_100%. EMOTIONAL_OVERLAY_STABLE. ANOMALY_LOGGED: ALCOHOL_CONSUMPTION_RATE_EXCEEDS_PHYSIOL

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.